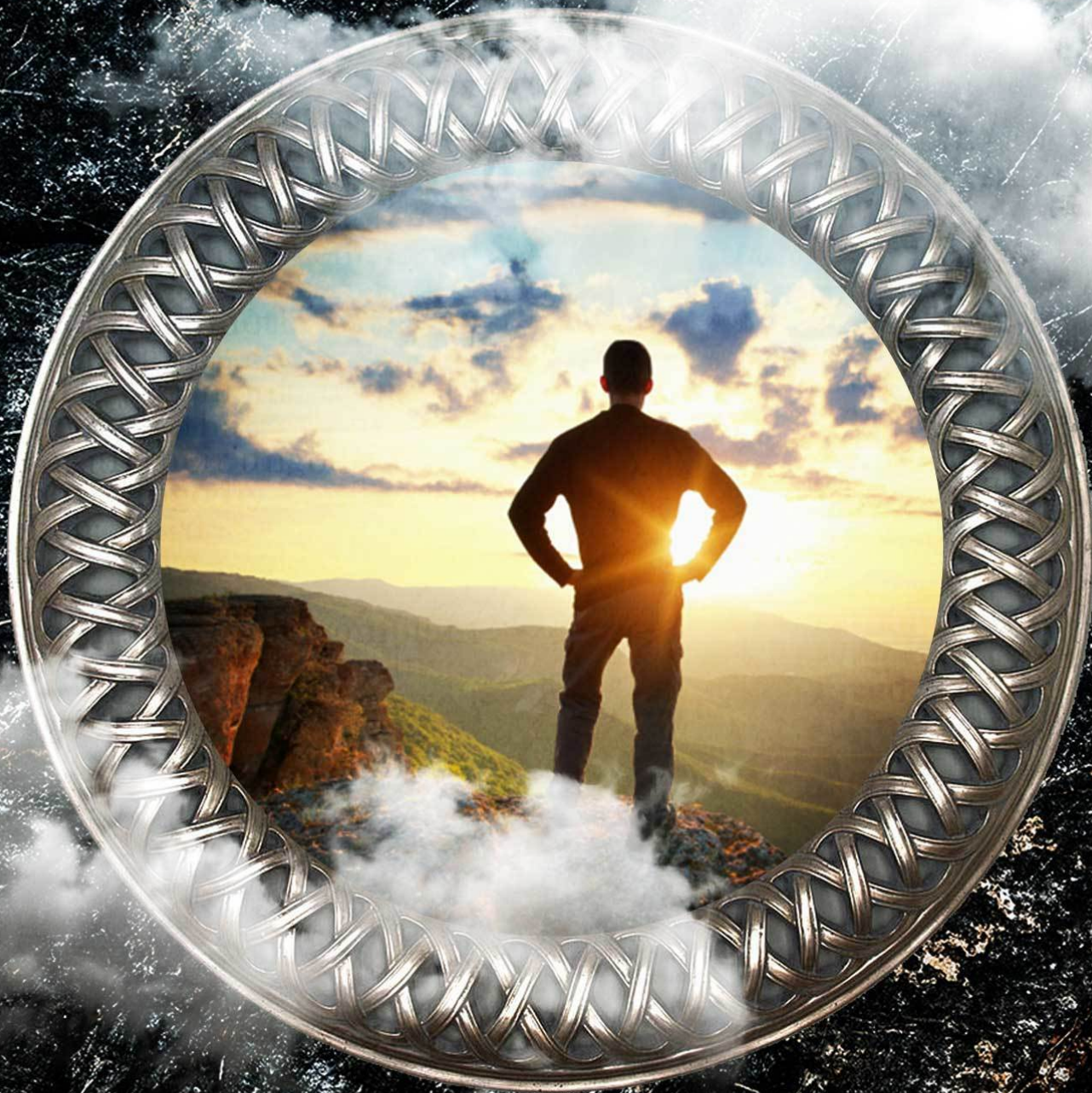

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ

**ДВЕРЬ
В ЗАЗЕРКАЛЬЕ**
КНИГА 1

Александр Николаев

Дверь в Зазеркалье. Книга 1

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Николаев А.

Дверь в Зазеркалье. Книга 1 / А. Николаев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Наша жизнь дискретна и состоит из сравнительно небольшого количества значимых эпизодов, которые будучи последовательно объединенными во временной ряд, создают образ конкретного человека. Так двадцать четыре статических кадра, проходя за секунду перед глазами зрителя, образуют иллюзию осмысленного движения. И точно так же предлагаемые читателю короткие истории, расположенные условно в хронологическом порядке, раскрывают особенности эволюции сознания человека. Взрослея, он постепенно начинает понимать, насколько бесконечен и таинственен окружающий его мир, в котором сложным образом соприкасаются судьбы людей.

© Николаев А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Благодарности	6
Мысли вслух, или что такое Зазеркалье	8
Предисловие	11
КНИГА ПЕРВАЯ	13
Часть первая. Пацаны	13
1. Автобиографический этюд на фоне времени	13
2. Икона	15
3. Школа над оврагом	17
4. Тайна старой каменоломни	20
5. Седой Капитан, Белый Пингвин или муки любви	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Николаев

Дверь в Зазеркалье

Откуда всё пришло, туда всё и уйдёт.

*А я – лишь путь для самого себя,
дорога, которую мне надо пройти.*

Харуки Мураками

Моей семье посвящается

Благодарности

Идея написать книгу, в которой были бы отражены не только отклики сознания публичного человека на внешние воздействия, но и его внутренний, никому не видимый мир Зазеркалья, пришла мне в голову несколько лет назад. И как-то, находясь на отдыхе в Трускавце, под монотонный шелест осеннего дождя за окном я начал неуверенно писать, ещё не имея тогда ни литературного опыта, ни отчётливо сформированной конечной цели.

Прошло немного времени, и неожиданно это занятие увлекло меня. Постепенно я стал более свободно обращаться с вымыслом, словами и словосочетаниями, и, наконец, наступил тот момент, когда написанное приобрело определённую завершенность, а его объём превысил критический для собственного осознания уровень. Тогда же стало понятно, что всё это нужно кому-то показать, имея целью определить, во-первых, зачем я всё это делаю и, во-вторых, представляет ли написанное интерес для кого-то ещё, кроме меня – лица в высшей степени заинтересованного.

Разумеется, первыми жертвами собственной увлечённости, как это часто бывает в жизни, становятся наиболее близкие нам – то есть наименее защищённые – люди. Ими стали моя жена Наташа и её мама Ирина Петровна, а также наши львовские друзья Людмила и Олег Михайловы. Чуть раньше в их число попал и Саша Синберг, проживающий ныне в благословенном Израиле. И каково же было моё удивление, когда совершенно разные люди, художественному вкусу которых я безусловно доверял, не сговариваясь рекомендовали мне опубликовать написанное. Сходными были даже мотивации моих добровольных рецензентов.

Но и после этого я всё ещё не мог рискнуть открыться широкой публике и отправил сырой, на мой взгляд, вариант книги В.П. Пустовойтенко, с которым меня связывают дружеские давние отношения. Он, будучи в отпуске, нашёл, тем не менее, в себе силы изучить пятьсот страниц текста и, наконец, вынес свой вердикт, не отличавшийся, по сути, от более ранних рекомендаций. При этом он признался, что дополнительно дал почитать рукопись двум молодым женщинам из своего окружения, имеющим не только соответствующее образование, но и хороший литературный вкус. Их независимая оценка была критичной, в высшей степени профессиональной, но в целом оказалась также положительной.

Собственно, только после этого я и дал согласие опубликовать в качестве эксперимента написанное. Впоследствии Валерий Павлович, кроме того, что деликатно подтолкнул меня к такому решению, приложил ещё и немало усилий к тому, чтобы настоящая книга увидела свет. За это я чрезвычайно благодарен ему, как и благодарен всем, кто в разное время взял на себя труд ознакомиться с рукописью и прокомментировать её содержание, стиль и качество написания.

Мне трудно упомянуть здесь всех, кто окружал меня эти годы, и кто случайным образом соткал для меня то самое полотно действительности, на котором я неуверенными мазками попытался нарисовать картину собственного эволюционирующего сознания на фоне короткого промежутка времени, в который укладывается наша жизнь. Но я очень признателен этим

людям и надеюсь, что где-то между строк многие из них смогут обнаружить нечто (фразу, образ, эпизод), принадлежащее похожему на него человеку из Зазеркалья.

Искренне Ваш А.Н.

Днепропетровск, 03 сентября 2012 года

Postscriptum. Прошло чуть меньше года после выхода в свет книги «Дорога в Зазеркалье». За это время было написано продолжение первой части, несколько коротких рассказов и после анализа реакции окружающих на прочитанное, которых было непросто убедить в том, что книга не является автобиографическим повествованием, я слегка изменил её структуру и убрал некоторые неточности в тексте. В итоге получилось нечто, отличное от первоначального варианта, получившее название «Дверь в Зазеркалье». Мне хочется думать, что эта книга также когда-нибудь будет издана, и я буду иметь удовольствие обсудить с читателями её достоинства и недостатки.

Днепропетровск, 30 апреля 2013 года

А.Н.

«Мы считаем сценарием то, что человек ещё в детстве планирует совершить в будущем. А жизненный путь – это то, что происходит в действительности. Жизненный путь в какой-то степени предопределён генетически, а также положением, которое создают родители, и различными внешними обстоятельствами.

Болезни, несчастные случаи, война могут сорвать даже самый тщательный, всесторонне обоснованный жизненный план...»

Эрик Берн. Игры, в которые играют люди.

Мысли вслух, или что такое Зазеркалье (Прелюдия к действию)

Что есть истина?
Иоанн. 18. 38

Рано или поздно в жизни каждого человека случается некоторый переломный момент, когда нужно остановиться, осмыслить ту часть жизни, которая осталась позади, и подумать о том, кем ты стал к этому времени и как жить дальше. Казалось бы, проще всего это можно сделать, написав собственную биографию с тем, чтобы подвергнуть её беспристрастному анализу, что я и попытался сделать. Однако вскоре стало ясно, что простота эта кажущаяся, и что подобная разновидность душевного стриптиза по разным причинам представляет собой, с одной стороны, достаточно грустное занятие, но с другой – интересное, в какой-то степени полезное и уж совершенно точно требующее аккуратного и весьма деликатного подхода даже в том случае, если ты делаешь это ради собственного развлечения.

Грустное, потому что анализируемый отрезок жизни – это все ушедшие в туман безвременья годы, которых уже не так мало, как хотелось бы, и одному только Богу известно, сколько их там ещё осталось впереди. Но при этом всё-таки хочется верить, как и встарь, что впереди нас ждёт светлое будущее, хотя при нашей непредсказуемой жизни, да ещё в преддверии 2012 года, когда я пишу эти строки, такое предположение многим покажется насмешкой над здравым смыслом.

Интересное, поскольку я это делаю впервые и для меня ещё непонятны стиль, структура, порядок и даже, как ни странно, цель изложения.

И, наконец, хотелось бы в поисках истины писать правду, только правду и ничего, кроме правды. Но что есть истина? Она непостижима также как и вечность, а рафинированная правда применительно к реальной жизни по разным причинам может оказаться сухой, скучной и даже неоправданно жестокой.

Во-первых, у каждого из нас имеются свои скелеты в шкафу: у кого их больше, у кого меньше. Со всех точек зрения будет более разумно, если наши сокровенные тайны останутся там, где им и положено быть, то есть в шкафу.

Во-вторых, правда, как ни покажется лишённым смысла такое определение, многолика. Представления о ней у каждого складываются в зависимости от многих обстоятельств: уровня и качества исходной информации, жизненных принципов, сложившихся стереотипов, особенностей личности внешнего оценщика и многого другого. Таким образом, правда в отношении одного и того же объекта или субъекта суждений у разных людей может существенно отличаться, оставаясь при этом всё-таки правдой, или чем-то очень на неё похожим. Поэтому, я ещё раз хочу подчеркнуть: с правдой нужно обращаться крайне осторожно. В чистом виде она, чаще всего, вообще никому не нужна. Её следует подготовить для восприятия, наложить макияж, а стиль, качество и форма изложения отвлекут слушателя или читателя от ненужных мыслей.

Я вспоминаю, и вся прошлая жизнь подобно многосерийному фильму проходит передо мной. Мне уже сейчас, в самом начале предполагаемой работы, крайне любопытно, смогу ли я найти в ней нечто такое, что могло быть бы интересным не только для меня, но и для совершенно постороннего человека. На мой взгляд, она довольно проста. В ней не было голливудских приключений, испепеляющей душу неразделённой любви, я не участвовал в локальных войнах, не искал затерянные сокровища, и на работе никогда не было интриг такого уровня, чтобы их можно было считать событиями достойными внимания. Но, сравнивая и сопостав-

ляя, я не могу сказать, что моя жизнь, если оценивать её в целом, была абсолютно обычной. Всё-таки были в ней моменты, ради которых стоило жить, и которые при желании всплывают в моей памяти так ярко, словно они случились вчера. Впрочем, если разобраться, ценность имеет любая жизнь, раз по воле Божьей она состоялась, просто увидеть её особенности и рассказать о них чаще всего некому. Нет достойного рассказчика, нет своего Диккенса.

Уже доказано, что человек мыслит и действует, опираясь исключительно на умозрительные построения, так называемые эвристические модели. Например, даже излагая свою жизнь тем или иным образом, условно говоря, на бумаге, мы всего лишь пытаемся создать более контрастную и яркую её имитацию, лишённую затеняющих суть ненужных деталей. За редким исключением, она будет состоять из сравнительно небольшого числа некоторых определяющих эпизодов, минимальное число которых может не превышать двух: родился и умер. Основная задача составителя модели собственной жизни заключается в том, чтобы сделать эти эпизоды выпуклыми, осмысленными и достойными внимания: если родился, то зачем, если умер, то почему. И было ли хоть что-то достойное внимания между двумя этими событиями.

Так появляется возможность увидеть себя как-бы со стороны, оценить собственные победы и поражения, плюсы и минусы своего пребывания в этом мире. Она, твоя жизнь, единственная и неповторимая, становится доступнее для анализа, который интересен, прежде всего, для себя, для человека, пишущего эти строки. И в этой связи не столь важно, как воспримут окружающие написанное тобой: это уже их проблемы.

Незаметно уходят в прошлое годы. В повседневной суете все мы неизбежно совершаем свои собственные ошибки, учимся их исправлять и взрослеем, когда совокупная масса личного опыта превысит некоторое индивидуальное для каждого человека критическое значение. Так постепенно мы становимся старше, мудрее и тайне от окружающих всё чаще произносим фразу, которая начинается словами: «Ах, черт возьми, вот если бы...», и домысливаем при этом иной вариант собственной жизни, иную её реализацию.

В ней нет допущенных промахов, и там совершенно по-другому развиваются события. В том мире мы всегда молоды, в нём есть место необычайным приключениям и невероятным поворотам судьбы. То есть, по сути, человек за время пребывания в этом мире как бы проживает две жизни: открытую всем реальную, со всеми её приземлёнными нюансами, и виртуальную – порождение собственной фантазии, некое Зазеркалье (пусть простят меня психологи за столь упрощённое использование этого специфического термина), куда, за крайне редким исключением, не допускается никто. Впрочем, вероятнее всего, что такого исключения может и не быть вовсе.

Обе жизни протекают параллельно, каждая в своей вселенной – внешней и внутренней, лишь изредка соприкасаясь благодаря некоторым общим, знаковым, событиям. Для стороннего наблюдателя более интересной, скорее всего, является вторая, та, что порождена необычным смещением реальности и вымысла. Это жизнь-сказка, которая тем богаче, чем причудливей фантазия её обладателя. Мы ведь, что скрывать, любим сказки, оставаясь в глубине души детьми независимо от возраста, образования и положения в обществе. Со временем меняются лишь поставленные цели, герои наших сказок да форма повествования.

Но если с уходом человека его внешний мир в какой-то степени доступен анализу и оценке, то невидимый внутренний мир, который он благодаря личным качествам и под давлением обстоятельств создавал в течение всей своей жизни, исчезает навсегда. О нём, вероятнее всего, даже не подозревают ни друзья, ни близкие люди. Хотя, с известной долей вероятности можно допустить, что матрица нашего сознания, содержащая полную информацию о человеке, в том числе и о его Зазеркалье, не исчезает бесследно с нашим уходом. Ведь не случайно все известные религии, каждая по своему, утверждают, что смерть есть не что иное, как начало новой жизни в новом качестве. Кто знает... Хотя, признаться, очень хочется, чтоб это было именно так, а не иначе. Да, и вообще, просто любопытно: а что там, за гранью?

И всё-таки, что же остаётся в этом мире от личности, если понимать её, как сознание, записанное на достаточно хрупкий и недолговечный носитель, после ухода человека в мир иной? Увы, опыт показывает, что практически ничего, как ни прискорбно это осознавать. В жизненной суете память о человеке исчезает удивительно быстро, я бы сказал, пропорционально квадрату или даже кубу времени. Это уж как кому повезёт.

Исключение составляет только тот, кто оставил после себя нечто, каким-то образом связанное с его именем: физический закон, географический объект, нравственные установки, изобретение, повлиявшие на процесс развития человечества или событие, изменившее ход истории. Но подобное случается крайне редко и по этой причине практически невыполнимо. И тогда не самым худшим и реально более достижимым вариантом может стать тот, в котором это нечто будет иметь форму записей, отражающих скрытое от людей отношение к жизни и окружающему миру, приоткрывающих дверь в своё Зазеркалье, в свою собственную, невидимую извне личную вселенную. По крайней мере, так хотя бы появляется хрупкая возможность увидеть и сохранить настоящую суть живого, а не искусственного, деформированного обстоятельствами и воспитанием человека, как структурной единицы общества.

Ну, что же, цель в принципе как бы определена, и я приму собственный вызов: попытаюсь осторожно приоткрыть дверь внутрь собственного сознания, в своё Зазеркалье, в своё время, хотя даже сейчас, в самом начале процесса, уже понятно насколько непросто это будет сделать. Для этого где-то придётся переступить через себя, где-то избавиться от комплексов, где-то пойти на компромисс. Но поставленная задача, прежде всего, интересна сама по себе, и, по моему, игра стоит свеч даже в том случае, если она закончится проигрышем.

Неясной пока остаётся лишь форма изложения, и здесь я после долгих раздумий вижу два приемлемых варианта. Так, например, можно написать роман с авантюрно-фантастическим сюжетом, в котором реальные события будут естественным образом переплетаться с вымышленными. В каком-то смысле так поступал при написании своих романов Ромен Гари, незаметно вплетая наиболее значимые эпизоды из собственной жизни в канву повествования своих ключевых произведений. Хороший драйв, немного секса и мистики образуют некий отвлекающий эффект иллюзиониста и не дадут возможности отождествить реальное лицо с одним из персонажей. Кто знает, может это будет даже не один роман, а серия. Как модно сейчас говорить – Проект.

Или же можно реализовать задуманное как совокупность отдельных самостоятельных эпизодов, совместно образующих структуру твоей жизни, в том числе и виртуальной. Неплохая, хотя и не новая, идея. Не новая хотя бы потому, что существует мнение, будто бы в Библии за изложением по сути исторических фактов также кроется иная информация, несущая истинное знание об окружающем нас мире. Она скрыта между строк в своём Зазеркалье. Так что, нет ничего нового под солнцем, как говорится всё в той же вечной книге.

Ну, что же, стоит попробовать. А пока стану просто писать безо всякой системы, излагая свои непричёсанные мысли и воспоминания о событиях, имевших место в моей жизни, вперемежку с вымышленными действиями, происходящими в Зазеркалье, в той, другой, виртуальной реальности, которая, если признаться честно, мне ближе и роднее. Там я всегда управляю обстоятельствами, а не они мною, там я стою над ними, чего, к сожалению, не могу сказать о мире реальном. Придёт время, и я определюсь со структурой будущей книги, если увижу в этом смысл и если успею, разумеется, поскольку не собираюсь ограничивать себя ни объёмом написанного, ни временными рамками.

Трускавец, санаторий «Арника», ранняя осень 2007 года.

Предисловие

*Всегда надо с самого начала знать,
чем закончится история.
Эпилог должен быть включен в пролог.
Мораль должна быть известна,
как только произнесены слова:
«Жили – были».*

Тонино Бенаквиста. Сага.

Удивительным образом переплетаются в этом мире человеческие судьбы. Люди, наивно полагая, будто они обладают свободой воли и выбора, в соответствии с собственным характером и амбициями конструируют свои жизни. При этом в процессе личного роста они неизбежно затрагивают интересы других людей, таких же самоуверенных конструкторов. Круги беспорядочных столкновений – большие и малые – расходятся, создавая рябь, волны и даже бури на поверхности житейского моря.

Под звёздным небом разворачивается завораживающее действие, в ходе которого кажущееся случайным поведение отдельных людей приобретает черты упорядоченной жизни социума. Им незримо управляет единый Закон, необходимый для устойчивого развития окружающего нас мира. В соответствии с ним затраты энергии на совершение любого действия всегда и везде должны быть минимальны. Как, когда и за чей счёт будет выполнена эта минимизация? Чья жизнь будет принесена на алтарь Судьбы? Кому в этой быстротечной жизни суждено вознестись, а кому низко пасть, и кто, собственно, стоит за этими манипуляциями?

Воля отдельного человека в действительности весьма призрачна. Кажущиеся на первый взгляд случайными встречи и события на самом деле вовсе не случайны. Всё давным-давно, возможно даже в первые секунды Большого Взрыва, предопределено в этом гармоничном мире. Так что же, не стоит и пытаться изменить свою судьбу? Нет, думаю, что это не так. Человеку всегда даётся шанс преломить ход своей жизни.

Наша судьба многовекторна: она однозначно определена в прошлом и содержит бесконечное множество энергетически равноценных сценариев развития событий в будущем, которое начинается через невообразимо малый квант времени, отделяющий его от настоящего. И в этом одновременном сеансе вселенской шахматной игры изначально не должен быть известен её результат. В противном случае такая партия была бы неинтересна и даже попросту бессмысленна. Её исход, как и имя Гроссмейстера по ту сторону доски, знают только холодные звёзды, под которыми мы родились. И в этот короткий промежуток времени от дебюта до эндшпиля укладывается вся жизнь человека, как видимая её часть, протекающая в реальном времени, так и та, что незримо для окружающих рождается и умирает в его сознании, как результат причудливого смещения вымысла и действительно происходящих событий.

Повседневная жизнь человека для окружающих людей, за редким исключением, не представляет особого интереса и в лучшем случае может вызвать лишь короткий всплеск любопытства. Она, как правило, лишена того элемента необычности, который выделяет её из общего ряда таких же ничем не примечательных существований. И совсем иным кажется её отражение – жизнь невидимая, рождённая в глубинах разума. Обладая соответствующим воображением, эту параллельную вселенную – своеобразное Зазеркалье – всегда можно насытить самыми невероятными приключениями, сделать её яркой, запоминающейся, не похожей на ту, что протекает в действительности.

В совокупности обе жизни – реальная и её фантом – образуют истинную суть человека, результат сложного взаимодействия его сознания с окружающим миром. В попытке отразить

эту суть, события, изложенные в книге, только в той или иной степени имели место в действительности. Чаще всего, подчиняясь фантазии автора, это был всего лишь один из многих вариантов их возможного развития.

Опираясь на сказанное, жанр будущего сочинения и был определен, как художественное повествование в форме своеобразного дискретного романа, особым образом приоткрывающего дверь в моё время, в мою жизнь и в моё собственное Зазеркалье.

Совпадения имён и судеб, разумеется, могут быть только случайными и читателю не стоит обращать на это внимание так же, как и не стоит персонифицировать героев последующих фрагментов. Их нет, и никогда не было в реальной жизни в том виде, в котором они представлены автором.

Итак, расслабьтесь, дамы и господа, и приготовьтесь! Впереди чужие судьбы на фоне ограниченного промежутка времени, одна из которых, при определённом стечении обстоятельств и известной доли фантазии, могла бы быть и вашей.

Днепропетровск, 25 октября 2013 года

КНИГА ПЕРВАЯ

Провинциальная история

Провинция – местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупных культурных центров.

Викисловарь

Часть первая. Пацаны

Пацан сказал – пацан сделал.

Утверждение

1. Автобиографический этюд на фоне времени

Жизнь нашу можно удобно сравнить со своенравною рекою, на поверхности которой плавают челны, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нередко же задержанный в своём движении мелью и разбиваемый о подводный камень.

Нужно ли упоминать, что сей утлый челн на рынке скоропребывающего времени есть не кто иной, как сам человек?

Козьма Прутков

Я родился в небольшом шахтёрском городке, который в полном соответствии с духом того времени назывался Пролетарск. Позже я узнал, что до Революции наш населённый пункт имел скромный статус села под названием Рубежное, а железнодорожная станция у реки называлась «Насветевич». Такую фамилию носил помещик, имение которого в одиночестве возвышалось на крутом правом берегу Северского Донца. Надо полагать, это было красивое зрелище: белоснежный, утопающий в зелени дом, серебрящаяся внизу лента реки, а за ней и на окрестных холмах, растворяясь у горизонта в дымке, раскинулся девственно чистый огромный лесной массив.

Вокруг здания на нескольких гектарах был разбит ухоженный сад. Его красота угадывалась даже сейчас, после стольких лет смуты и разрушения, в уютных аллеях и скульптурных композициях парка культуры стекольного завода, который пришел на смену помещичьей роскоши. Парк примыкает к школе, в которой я учился, построенной взамен разрушенного восстановившим народом имения. Всё изменилось за эти годы, и только местная железнодорожная станция, как и встарь, называется – «Насветевич».

Прошло совсем немного времени со дня моего рождения, и наш небольшой по сути дела посёлок присоединили к довольно крупному и старому городу, известному тем, что в этих местах в Лисичьем буераке более двухсот лет назад впервые были обнаружены промышленные запасы угля. Отсюда, собственно, и начался Большой Донбасс.

Сравнительно недавно закончилась Великая война. Шахты были разрушены и затоплены, а огромной стране был крайне необходим уголь. Промышленность нужно было восстанавливать любым путём, и в Донбасс хлынул поток досрочно освобождённых эков. Они быстро привнесли свою специфику в жизнь шахтёрских городов – больших и не очень. Высокая зарплата шахтёров влекла в эти места и ту мужскую часть населения, которая совсем недавно вернулась с фронта. Бывшие солдаты, отвыкшие от организованного труда, но научившиеся

грамотно убивать и не боящиеся крови, тоже были далеко не ангелы. К тому же многие из них пришли домой не с пустыми руками, оружия было в достатке, несмотря на усилия властей.

И зэки, и бывшие фронтовики были люди гордые. Понятие «гордость» трактовалось ими по-своему, и последствия образования такого человеческого конгломерата с завышенным уровнем гордости при заниженном культурном потенциале не заставили себя долго ждать: по пьяному делу убить могли и за неправильно истолкованный взгляд.

Драки были обыденным явлением. Дрались район на район, улица на улицу, дрались из-за девчонок и просто от избытка адреналина, дрались трезвыми и пьяными. Пацан, не умеющий драться, был человеком неполноценным и уважения по этой причине не заслуживающий.

Взрослое мужское население умело отдохнуть после ударного труда в забоях подземных выработок. Если верить преданиям, в дни получения зарплаты возле шахт сооружались дощатые загоны, внутри которых водку подавали в бочках. Ёмкости для питья были двух видов: гранёный стакан и полулитровая стеклянная банка. Вокруг загонов стояли жёны и наблюдали за своими мужчинами. Время от времени кто-нибудь восклицал:

– Маша (Люба, Валя или кто-то ещё), твой готов.

И Маша (Люба, Валя или кто-то ещё), припомнив весь известный ей набор непечатных слов, сама или с чьей-то помощью транспортировала свою бывшую любовь к родному очагу.

Кстати, очень круто было не пропить все деньги, потому, что сделать это было крайне непросто по причине дешевизны водки и огромной зарплаты, а взять такси на компанию, поехать в Донецк, купить там москвич вскладчину и, разбив его вдребезги на обратном пути, вернуться домой всё на том же такси.

Под ногами у отдыхающих сновали шустрые детишки и подбирали выпавшие купюры. Это был их законный заработок. Дети, при всей дикости царящих в городе нравов, как ни странно, были превыше всего. Им прощали порой недетские шалости, их редко наказывали, их просто любили. Дети беспрепятственно гуляли допоздна на улице, и каждая мама была уверена в том, что с её ребёнком не произойдёт ничего плохого.

Рассказывали, что один только что откинувшийся зэк настырно предлагал подросткам папиросы с дурью. Те робко отказывались, хотя видно было, что перед авторитетом блатного им долго не устоять. Разговор услышали в компании довольно взрослых мужиков, игравших неподалёку в карты. Дело происходило в стенах разрушенного прямым попаданием бомбы старом клубе, который как был по определению местом встреч и отдыха, так им и остался. Не вдаваясь в подробности, зэка избили так, что потом эта история, обросшая деталями, стала легендой, которая естественным путём решала проблему городских мероприятий по борьбе с наркотиками. Не могу говорить об обществе тех лет в целом, но в моём чрезвычайно обширном и далёком от нравственного совершенства окружении никто не принимал планчик, он же гашиш, а о других наркотиках не слышали вовсе. Собственно, проблемы как таковой попросту не было.

Другой категорией людей, которые наравне с детьми были столь же неприкасаемы, являлись, как ни странно, учителя. Компания пьющих пиво мужиков совершенно неинтеллигентной внешности при появлении учителя, идущего мимо по своим делам, тут же оставляла своё непритязательное занятие, все поднимались, почтительно здоровались и наперебой интересовались его здоровьем, состоянием учёбы своих детей. Плохое поведение в школе или, не дай Бог, грубость по отношению к учителям – это был тот проступок, за которым следовало серьёзное наказание. Могли выпороть так, что память об этом переходила в разряд генетической.

Подрастающее молодое послевоенное поколение, хотя и вынуждено было принять часть субкультуры своих предшественников, разительно при этом отличалось от тех, кто был старше лет на двадцать. Повальное увлечение спортом явилось причиной тому, что, несмотря на обилие спортзалов в городе, попасть в какую-то определённую секцию было крайне непросто. Хорошо укомплектованные библиотеки с трудом удовлетворяли желающих приобщиться

к литературным ценностям. В присутствии взрослых и в обществе девушек не допускались нецензурные выражения, и, вообще, дам как-то не принято было обижать, хотя, что греха таить, случалось всякое. В школе все желающие имели возможность получить прекрасные знания как в городе, так и в селе. Доступ же к высшему образованию был, хотя и не простым, но бесплатным, честным и, как принято сегодня говорить, демократичным.

В таком провинциальном городке, среди таких вот людей, на фоне по нынешним меркам бедной, но при этом, как ни странно, достаточно полноценной жизни прошли мои детские и юношеские годы. Я стал не последним человеком среди наших крутых пацанов, рационально совмещая занятия боксом, учёбу и уличные разборки. Быстро выросл: любил, ненавидел, по глупости чуть было не угодил за решётку, словом, учился ценить жизнь во всех её непростых проявлениях.

Однажды летом, в один из безумно красивых июльских вечеров, я, начав с центра, обошёл все прилегающие улочки и не обнаружил ни единой живой души. Куда подевались все, спрашивал я себя, в такую удивительную ночь? Неужели спят? Но это же ужасно, люди! Как можно спать в такую ночь, когда всё небо усеяно мерцающими звёздами, а душа требует любви! Тогда я долго сидел на скамейке у ворот нашего дома, курил, глядя на застывший в бессмысленной улыбке диск луны, думал и под утро твёрдо решил, что после окончания школы уеду от этой сонной тишины и нелюбопытных людей и никогда сюда больше не вернусь.

Я сдержал данное тогда себе слово. Не в полной мере, правда, поскольку иногда мне становится грустно. И тогда я втайне от окружающих сажусь в автомобиль, еду в город своей юности, чтобы занять заранее заказанный по интернету номер гостиницы и окунуться в прошлое, которое, как ни странно, чем дальше, тем сильнее манит меня. И я даже знаю причину этой ностальгии: здесь в те далёкие годы только начиналась моя дорога в Зазеркалье.

По дороге домой я наблюдаю из окна автомобиля жизнь нынешнюю, несравненно более контрастную, с неизмеримо большим числом возможностей. Я вижу окружающий мир, который с развитием телекоммуникаций уменьшился в размерах, стал ближе и доступнее. Его населяют новые люди, которые уже сейчас во многом не похожи на тех, кто окружал меня тогда. Они ничем не хуже и не лучше нас прежних, они просто другие. Мне кажется, сейчас я могу дать достаточно объективную оценку и тем годам, и тем людям, к числу которых принадлежу и я сам. Мне искренне жаль, что выращенное с таким трудом, круто замешанное на крови и ужасе родителей поколение несколько наивных, но однозначно хороших людей уходит так же быстро, как ушли когда-то в небытие неандертальцы, став побочной ветвью цивилизации.

Не так бездумно и глупо следовало в очередной раз перекраивать нашу жизнь. Впрочем, пройдут годы, и время рассудит, кто был прав, а кто виноват. Хотя, вполне вероятен и такой вариант, при котором виновных не окажется вовсе. Просто так распорядилась Судьба, а уж её-то невозможно подменить никакими искусственными общественными построениями и перестановками.

Славянск, 21 января 2011 года

2. Икона

*В дошкольном возрасте дети боятся одиночества и склонны к фантазированию
Из наблюдений*

Мне неполные пять лет. Я один в новом доме, который построил для нас мой дед. На окнах ещё нет занавесок, а из мебели только стол на кухне и три стула, сработанные всё теми же негнушимися от мозолей дедовыми руками. Через девственно чистые стёкла двойных оконных рам виден заснеженный двор на фоне местами дымящегося геометрически правильного

конуса террикона. В доме тихо, пахнет свежей краской, деревом и ещё чем-то приятным, не поддающемся определению. Мне немного страшно от этой тишины. Но от затопленной печи идёт приятное тепло, негромко потрескивают поленья, и этот единственный звук, делающий помещение жилым и уютным, постепенно примиряет меня с вынужденным одиночеством.

На столе лежит свёрнутый из плотной серой бумаги кулёк с конфетами, которые называются «Школьные». Я знаю, что они посыпаны сахарной пудрой и невероятно вкусны, я даже ощущаю на языке свойственный только им приятный мятный холодок. Рот безудержно наполняется слюной. Конфеты трогать запрещено до возвращения родителей, которые ушли за очередной порцией вещей на квартиру бабушки – матери отца: мы переселяемся. Это невыносимая мука: видеть конфеты и понимать, что есть их нельзя. Но конфет много и если съесть одну – две, никто этого не заметит. Я вынимаю из кулька три конфеты, разворачиваю полупрозрачные фантики и быстро их съедаю, испытывая при этом блаженство необыкновенное. Хочется ещё, хотя бы одну, их ведь так много. Но в этот момент я поднимаю голову вверх и вижу икону, висящую в углу.

Незнакомый мне старик смотрит строго и хмуро, он всё видел, он мудр и понимает, что я хочу сделать со всеми оставшимися конфетами. Его взгляд пронзителен и холоден, как железная ручка на новых воротах, которую я имел неосторожность лизнуть на морозе. Я перемещаюсь в другой конец комнаты, но взгляд старика неотступно следует за мной. И нет в комнате такого места, где можно было бы укрыться от этого безжалостного взгляда. Мне опять становится страшно и уже совсем не хочется мятных конфет, обсыпанных сахарной пудрой.

Я подвигаю тяжёлый стул поближе к иконе, взбираюсь на него и пытаюсь повернуть её ликом к стене. Икона падает и разбивается вдребезги. Я смотрю на разлетевшиеся её части и понимаю, что это катастрофа. Мне не известно точно, кто был этот старик на иконе, но я слышал, что бабушка называла его Бог, шептала ему какие-то невнятные слова и крестилась, а мама говорила, что Он всё видит, знает и наказывает людей за плохие поступки. А разве может быть что-то хуже того, что я сделал. Слёзы подступают к моим глазам, и я плачу, вначале негромко, а потом навзрыд, раздираемый жалостью к своей загубленной жизни.

В прихожей слышны весёлые голоса вернувшихся родителей. Отворяется дверь и входит румяная с мороза мама, за ней улыбающийся отец. Мама окидывает взглядом комнату, замечает разбитую икону, обёртки от конфет на столе и меня, рыдающего на стуле. Лицо её становится строгим, если не сказать хуже.

– Что случилось? – спрашивает она тоном, не предвещающим ничего хорошего, – я кому говорила не брать конфеты? Ты зачем разбил икону, скотина безрогая?

Мама, нужно отдать ей должное, умела сказать образно и к месту. А я, скотина безрогая, не могу говорить, только всхлипываю, заикаюсь и пальцем показываю на старика, лежащего лицом вверх на полу. Отец быстро вникает в ситуацию и начинает игру на моей стороне:

– Маша, перестань, ты же видишь, парень напуган чем-то.

Мама всё понимает, но остановиться уже не может. Она сдёргивает меня со стула:

– Иди, стой в углу, может, поумнеешь.

При этом в её голосе явственно слышны нотки сомнения в моей умственной полноценности. Я стою в углу весь в слезах и расстроенных чувствах. Отец украдкой весело подмигивает мне, мол, не дрейфь, всё обойдется. Мама швыряет в печь обёртки от съеденных мною конфет, подметает осколки иконы и задумчиво смотрит на образ без стекла и оклада.

– Ладно, – решает она, – спрячу в комод, пусть полежит.

Я чувствую, что беда проходит стороной, руками размазываю слёзы по лицу и вопросительно смотрю на маму. По её лицу вижу, что наказание будет коротким и начинаю глубоко вздыхать, вызывая жалость к себе – маленькому, одинокому, никому не нужному мальчику. Обычно это действует безотказно. И действительно, проходит короткое время, мы уже втроем сидим за новым столом, пьём чай с конфетами и мирно разговариваем о разных разностях.

Потом меня ожидает дневной сон, и мама, чтобы я заснул быстрее, будет негромко читать мне книгу о приключениях деревянного мальчика Буратино и его друзей. Но это будет чуть позже. А пока я сижу на стуле, который мне велик, болтаю ногами и смотрю, как за окном крупными хлопьями медленно падает редкий мартовский снег. Вдали, на идеально белой глади замёрзшего пруда мальчишки безмолвно гоняют невидимую шайбу. Над всей этой благодатью, словно сказочный великан на отдыхе, мирно курит свою трубку огромный террикон.

Хорошо! Так хорошо, как только это может быть в начале бесконечно длинной и безумно интересной жизни.

Славянск, 26 января 2011 года

3. Школа над оврагом

*Причина того, кто мы есть в настоящем, кроется в прошлом, в накопленном соотношении упущенных и реализованных возможностей...
Предположение*

Быстро прошли мои ранние годы. Я даже как-то смутно помню их. Иногда только в памяти мелькнёт вдруг тот или иной эпизод, так ярко, словно это произошло вчера, но не привязанный к цепочке событий, образующих течение жизни, он так и не обретает свою истинную ценность. Хотя, что-то же было в нём такое, что заставило именно его запечатлеться в памяти.

Я хорошо помню лето – тёплое, ласковое – с бесконечно долгими днями, со сбитыми коленками и потрескавшимися пятками, с яблоками и помидорами в саду, с купанием в Озере, которое начиналось сразу за домом, с огромными звёздами над головой, когда спишь в саду на раскладушке и, замирая, слушаешь ночные звуки. Днём тайком от матерей с другими мальчишками мы убегали в небольшой лесок, который начинался сразу же за сортировочной станцией стекольного завода. Здесь, в зависимости от летнего месяца, можно было полакомиться молочной кукурузой, грушками, ягодами боярышника, попить сладковатой воды в кринице или поискать спящих ежей в густом кустарнике. Вечером, тщательно полив перед этим помидоры, с отцом мы отправлялись косить траву для наших кроликов. Там я узнавал названия трав, какие из них съедобны, какие нет, а какими можно лечиться. Нет отдыха летом растущему детскому организму, нет, да и не нужно: и без того хорошо.

Помню зимы, когда двор завален снегом так, что для перемещения в его пределах остаётся только узкий проход от дома до ворот да к собачьей будке. Ставни на окнах невозможно ни открыть, ни закрыть, к ним попросту нельзя пройти по высокому снегу. А ночью слышны похожие на выстрелы звуки лопающихся на морозе стволов деревьев. Днём, несмотря на холод, детей выпускают на улицу. На тебе пропасть одежды, ты закутан по самые глаза платком поверх шапки-ушанки. Стыдно, ведь похож на девчонку, но тепло. Платок влажен от дыхания, штаны промокли и заледенели, варежки не гнутся и едва согревают руки. К сапогу на левой ноге проволокой прикручен один конёк. Я нашел его осенью на шахтном дворе. Пируэты на льду не исполнишь, но кататься можно. Вокруг полно детворы, такой же мокрой, покрасневшейся и весёлой.

Но ближе к вечеру грозен голос встревоженных матерей, и все начинают разбредаться по домам в едва начинающихся сумерках. Дома тебя ждёт тарелка дымящейся гречневой каши, сладкий горячий чай и к нему огромный ломоть хлеба с маслом. Потом я играю в шашки с отцом, с мамой и почти всегда выигрываю. Отца это радует, мама не всегда довольна. Почему так, я не знаю.

Между этими временами года случались весна и осень. Как-то в те годы они не оставили особых следов в моей памяти. Я не знал тогда, чем это вызвано, не догадывался о том, что пройдёт много лет, и я стану со временем взрослым, потом очень взрослым, и незаметные в

детстве весна и осень станут в моей жизни самыми любимыми временами года. Временами беспричинной радости и тихой грусти.

Как-то незаметно прошло это беззаботное время, и вот я уже иду в школу. На мне новенькая школьная форма. Рядом со мной мама, я держу её за руку. В другой руке у меня портфель, в котором лежат первые мои учебники, тетрадки, перьевая ручка и карандаши. Школа находится сравнительно недалеко. Нужно только метров триста пройти вдоль железной дороги, свернуть налево по грунтовке, протоптанной в желтом суглинке, ещё чуть по улице, а там уже и школа.

Это старое, дореволюционной ещё постройки одноэтажное здание из тёмно-красного кирпича, стоящее на довольно высоком фундаменте. Ко входу ведут одиннадцать вытертых бесчисленным количеством ног бетонных ступеней, почему-то они помнятся особенно хорошо. В здании широкий коридор, в нём меня впоследствии будут принимать в октябрю, и три классные комнаты, которые в холодное время года отапливают две большие печки. Топят их и вообще следят за чистотой школы и школьного двора тётя Настя и дядя Фёдор. Это муж и жена. Позади школы есть отдельный вход, за которым находятся две небольшие комнаты, где они и живут. Это им позволено звонить в школьный звонок, оповещая всех о начале и конце уроков. В моей памяти эти люди навсегда остались как два бесконечно добрых и мудрых человека, у которых можно было поплакаться по поводу школьных неудач, рассказать о девочках, которые уже тогда начинали нравиться, переждать непогоду или грядущее наказание. Там ты всегда встречал понимание, получал свой чай с баранками и незамысловатое утешение. Пожалуй, это были по-настоящему первые Учителя в моей жизни. Просто я тогда ещё не догадывался об этом.

Школа располагалась метрах в пятидесяти от оврага, на дне которого струился невзрачный и с виду безобидный ручеёк. Первое впечатление нередко обманчиво, и весной этот ручеёк превращался в довольно мощный поток воды, который подмывал ближний к школе склон оврага. После каждого весеннего паводка школьный двор становился короче на пару метров. Нам категорически запрещалось ходить к оврагу, но сладок запретный плод, и на переменах или после занятий мы часто опускались побродить вдоль ручья в поисках приключений.

Мой приятель Витька, по прозвищу Зюка, которое получил по причине того, что он специфически выговаривал запретное слово «сука», как-то даже нашёл там весь проржавевший немецкий пистолет. Пружина в нём на удивление хорошо сохранилась, курок тоже, так что щёлкал пистолет знатно, вызывая законную зависть у мальчишек. Позже, правда, отец Витьки, узнав о находке, конфисковал оружие и выбросил в туалет, предварительно выдрав, приговаривая, что о таких находках нужно сообщать куда надо. Куда, мы так и не поняли, но тезис о том, что мир устроен справедливо, был существенно поколеблен.

Со мной за партой посадили девочку, которую звали Олеся. Следует заметить, не часто встречающееся имя в наших местах. Она была дочкой лесничего, что само по себе тоже было необычным: уж больно редкой была профессия её отца. Лесников и мельников всегда окружал некий жутковатый ореол мистики. Дом их находился в лесу, от которого к школе нужно было идти километра три. Дорога шла вначале по лесу, затем петляла по продуваемому всеми ветрами, изрезанного балками, пустынному Бугру, проходила мимо заброшенного вентиляционного ствола шахты и, наконец, опускалась по склону вниз к железной дороге. А там уже и до школы рукой подать, метров пятьсот, не больше. Можно только представить себе чувства, которые испытывала маленькая девочка на этом пути, особенно в зимнее время.

Олеся была замкнутой, если не сказать диковатой, девочкой. Она ни с кем не общалась, плохо реагировала на замечания по поводу учёбы, уходя в себя. Мне же она со временем стала доверять, немного рассказывала о своей жизни в лесу, об отце, который воспитывал её без матери, умершей при родах. Я понял, что её папа не был особенно ласковым человеком, но она его любила. Думаю, всё же, что это он провожал её в школу и встречал на обратном пути где-то там, на вершине Бугра. Иначе просто не могло быть.

Весной Олеся приносила первые, пахнущие лесной свежестью голубые пролески. И мне каждый раз большого труда стоило уговорить поставить их на стол нашей учительнице Клавдии Ивановне, а не класть в мой портфель. Осенью, ближе к зиме, она угощала меня маленькими дикими яблочками. Обычно кислые, с первыми морозами они приобретали сладковатый привкус и необычный аромат. Особенно тяжело, как я теперь понимаю, ей было снежными зимами, когда к школе добраться было непросто, и она вынуждена была неделями сидеть одна в своём лесном доме. Впрочем, Олеся никогда не жаловалась, но появившись в школе после вынужденного отсутствия, на какое-то время становилась более мягкой и общительной.

Школа наша была небольшой, всего три класса, и место на иерархической лестнице в таком узком сообществе и для мальчишек, и для девчонок устанавливается довольно быстро путем проб и ошибок. Так уж сложилось, что я попал в разряд лидеров, Олеся же устойчиво находилась в аутсайдерах, замыкая эту цепочку. Думаю, что она даже не подозревала об этом по двум причинам. Во-первых, в силу особенностей собственного характера, который позволял ей находиться как-бы в стороне от бурно текущей школьной жизни, а, во-вторых, потому, что все годы обучения в школе она просидела за одной партой со мной. Я же пресекал любые попытки наехать на безропотную девочку. Все об этом знали, и Олеся могли обидеть только по недоразумению, которое быстро разрешалось.

Как-то уже на третьем году обучения поздней весной Олеся вдруг сказала, что они с отцом завтра уезжают к новому месту его работы, далеко на Западную Украину. По неясной причине мне стало неловко тогда, я не знал, что ей ответить на это. Прозвенел звонок, и уроки закончились. Я пошёл проводить Олеся, хотя раньше никогда этого не делал.

– Тебе не хочется уезжать? – спросил я её уже у оврага, где мы остановились.

– Нет, – подумав, ответила она, – не хочется, но папа сказал, так нужно.

Она поискала что-то у себя в сумке и протянула мне замысловато изогнутый, слегка обработанный корень.

– Возьми на память. Не думай, он живой. Папа сказал, что такие корешки оберегают людей от злых напастей.

Корешок действительно напоминал какую-то застывшую в движении неведомую зверушку. Я положил его в портфель и посмотрел на стоящую передо мной девочку может впервые более внимательно, чем обычно. Олеся была довольно высокой для своего возраста, но какой-то нескладной, худенькой и, на мой взгляд – некрасивой. Мне запомнились её глаза: большие, изящной формы, прозрачно-серые. Тогда я ещё не мог знать, что как раз из нескладных девочек с такими глазами со временем вырастают невероятной красоты женщины, сводящие нас с ума. Но меня уже звали ребята играть в футбол, мне было неловко рядом с Олесей, я наспех попрощался и побежал прочь к своим мальчишеским забавам. На бегу я обернулся и в последний раз увидел знакомую фигурку, опускающуюся по тропинке в овраг.

Я не помню, куда подевался корешок, который подарила мне на счастье Олеся, и по этой причине не уверен, что он как-то оберегал меня на жизненном пути. Я не знаю, как сложилась судьба этой девочки, но она точно никогда не пересекалась с моей. Мне хочется думать, что она прожила интересную жизнь, была счастлива и иногда вспоминала детские годы, проведенные в нашем городке, и своего одноклассника, которого она когда-то угощала дикими яблочками.

А той школы уже нет. Овраг, как ненасытное животное, постепенно съел вначале школьный двор, а затем и собственно школу.

Днепропетровск, 10 апреля 2011 года

4. Тайна старой каменоломни

Камо грядеши, Господи?
Иоанн. 13:33-36

Когда-то очень давно, много миллионов лет тому назад, на нашей Земле господствовал растительный мир. Трудно представить даже какими должны были быть те первобытные джунгли, если их метаморфизованные останки, приобретя под действием геологических процессов компактную форму, образовали со временем миллиарды тонн каменного угля. Планета была молода, и как девичий организм переполняют гормоны, толкая на непредсказуемые поступки, так и в ней бурлила неисчерпаемая энергия недр. В результате движений земной коры угольные пласты, залегавшие вначале горизонтально, вместе со вмещающими их осадочными породами изгибались в складки, разрывались, выходили на поверхность и, наконец, застыли, приняв окончательное положение на территории современного Донбасса.

Издревле черные камни человек использовал как топливо, гораздо более эффективное, чем древесина. Со временем добыча угля в шахтах стала основным промыслом в этих местах. Возле шахт возникали поселки, а также большие и малые города. В одном из самых старых живу и я. Меня зовут Санька. Мне скоро исполнится девять лет, я хожу в школу, но сейчас лето, каникулы и можно спать ровно столько, сколько хочется.

– Санька, вставай, слышишь, вставай, Санька.

Я нехотя открываю глаза. Рядом с кроватью стоит отец, за окном едва угадывается рассвет. В моем представлении сейчас скорее глубокая ночь, чем раннее утро.

– Пап, ты чё? Рано ведь совсем...

– Вставай, забыл, на рыбалку идем сегодня. Вставай, вставай, соня.

В этот момент я вспоминаю, что с вечера отец убедил меня пойти с ним на рыбалку, но не на наше Озеро, которое начиналось в огороде, а далеко за город, на Старицу, где рыбы было немеряно. Сказать честно, рыбалку я не любил. Сидеть на жаре неподвижно часами в ожидании клёва было тягостно, но отец таки уговорил меня, о чем я начисто забыл. Но деваться некуда, придется вставать.

На скорую руку умывшись и позавтракав, мы двинулись в путь. А он был не близок. Предстояло одолеть возвышенность за железной дорогой, которая называлась у местных жителей Бугор, затем пройти лесом неподалеку от старой каменоломни, где по слухам в изобилии водились змеи, и выйти к Донцу. Кто-то из рыбаков, которые приходили сюда более аккуратно, чем на работу, предоставлял возможность на лодке переправиться на противоположный берег, а там еще несколько километров лесом и ты оказываешься на берегу длинного, довольно узкого озера, бывшего русла Донца. Потому оно так и называется – Старица.

Это скорее неглубокое болото, чем озеро. Берега его заросли камышом, а дно устилает многометровый слой ила, в котором запросто можно утонуть. Неподалеку от берега виднеется башня боевого танка Т -34, который во время войны как застрял в трясине, да так и остался здесь навсегда.

Вода в озере неподвижна и прозрачна настолько, что видны мельчайшие травинки на дне, мальки, снующие между ними, и редкие прозрачные пузырьки болотного газа, поднимающиеся на поверхность. Обычно здесь около затонувшего танка останавливаются отец и его приятели, когда приходят расслабиться в мужской компании и заодно поудить рыбу. А её в озере действительно пропасть: зеленоватые лини, золотистые карасики, серебристые верховодки и даже пятнистые щуки. Вкуснотища неописуемая, хотя сам процесс рыбной ловли, на мой мальчишеский взгляд, представляет собой скучнейшее занятие.

Но все это еще впереди, а пока мы с отцом молча идем по шпалам. Он впереди с удочками и сумкой, а я плетусь сзади, так и не проснувшийся окончательно, крайне недовольный жизнью вообще и этим обстоятельством в частности.

Дорога, петляя, узкой лентой поднимается на Бугор. Слева от нее глинистый склон зарос травой и пустынен до самого кладбища, а справа виднеются немногочисленные дома путейских рабочих. Кое-где в окнах уже горит свет, люди собираются то ли на работу, то ли, вроде нас с отцом, на рыбалку. Как ненормальный заорал вдруг петух, наверняка упал с насеста, и словно в ответ на его призыв тут же откликнулся далекий паровоз. Жизнь начинает пробуждаться.

Мы медленно поднимаемся на плоскую вершину Бугра. Впереди нас до самого горизонта расстилается степь. Каменистая желтовато-серая земля покрыта пёстрым ковром уже начинающих подсыхать трав. Левее на фоне неба отчетливо виднеются два геометрически правильных конуса шахтных терриконов и ряд едва различимых отсюда совхозных домов. Чуть правее и ближе к нам, словно чёрный зловещий палец, торчит копер над заброшенным вентиляционным стволом. Дорога идет как раз мимо него. Говорят, что из-за неразделенной любви туда однажды бросилась местная девушка, и по ночам, с приближением ненастья, из бездонной тьмы подземелья иногда слышен ее голос. Я ближе жмусь к отцу, когда мы проходим мимо: становится как-то не по себе.

Дорога поворачивает вправо. Там, далеко впереди, виднеется кромка леса, куда мы и направляемся. В этих местах лесничим работал отец моей одноклассницы Олеси, но они совсем недавно уехали жить на новое место, куда-то далеко на Западную Украину. В стороне от дороги вдруг робко застрекотал кузнечик, ему откликнулся другой, третий и вот уже всё вокруг звенит, вибрирует и, кажется, дышит в такт этому оркестру. Внезапно я замечаю собственную тень перед собой, поворачиваюсь назад, и мое сердце замирает от восторга.

Огромный огненный диск солнца медленно и торжественно поднимается над горизонтом, ярко освещая покрытый легкой дымкой спящий город, туман в низинах и остывшую за ночь степь. На лицо, руки, босые ноги ложатся его ощутимо теплые лучи, вливая в мой растущий организм энергию светила. Остатки сна, а вместе с ним и раздражение от раннего подъема, мгновенно уходят прочь. Взамен меня переполняет щенячий восторг от того, что я молод, здоров и свободен, как эта голосистая птичка, едва заметная на фоне голубого бездонного неба.

Спустя примерно час, миновав несколько оврагов, мы приближаемся к крайней оконечности Бугра. В этом месте крутой и высокий правый берег Донца под углом пересекает русло древней реки, по дну которого вдоль железной дороги в настоящее время вьется всего лишь слабый ручеек. В месте пересечения образовался высокий утес, с вершины которого открывается захватывающая дух панорама: серебристая лента реки, весь в утреннем тумане лесной массив за ней, простирающийся до горизонта, и голубой купол неба над всем этим великолепием.

На вершине утеса видны следы осыпавшегося углубления. Отец предлагает здесь передохнуть, на что я охотно соглашаюсь. Мы садимся на краю ямы и молча рассматриваем окрестности. В прошлом году сюда приезжали археологи. Они разбили палатки и жили здесь целое лето, раскапывая захоронение древнего человека.

Бородатые молодые люди рассказывали любопытным пацанам, что здесь очень давно, в незапамятные ещё времена жили наши предки. Они охотились, собирали травы, строили примитивные жилища. Когда кто-то из них умирал, его хоронили на боку в положении эмбриона. Рядом клали его боевой каменный топор и глиняный кувшин с пищей. Все эти предметы, по их словам, очень помогали умершему в загробном мире. Мы смутно представляли себе этот загробный мир. Некоторые пацаны постарше утверждали, что его вообще нет, а иные же находились в сомнении: мол, кто его знает.

Спустя примерно месяц бородатые археологи действительно откопали своими ножами и кисточками могилу древнего человека. Он, как и предсказывали, лежал на боку, поджав под

себя ноги и руки. Рядом находились кувшин и каменная часть топора. Вскоре вместе с частью могилы и вещами археологов его погрузили в грузовик и увезли в областной город, в музей. Мне, если сказать честно, было жаль этого древнего человека. Лежал он себе в своей могиле тысячи лет, никого не трогал, а теперь его раскопали, увезли от привычного места, и обретаётся он где-то в витрине музея весь голый под чужими нескромными взглядами. Было в этом что-то неправильное, нельзя так поступать с человеком, даже если он совсем древний и не может за себя постоять, как настоящий пацан.

Передохнув, мы с отцом по крутому лесистому склону спустились к небольшой поляне у реки. Возле берега виднелась привязанная к колышку плоскодонка, а метрах в двадцати от воды стоял сделанный на совесть шалаш. Собственно, это капитальное сооружение трудно было назвать непритязательным словом «шалаш». По сути, это был небольшой домик, построенный из древесных стволов, веток и крытый камышом: сухой и удобный. В нем было два спальных места, шкаф для продуктов, стул и небольшой столик, над которым висела керосиновая лампа.

Неподалеку от домика был врыт в землю еще один – большой – стол с навесом и две скамейки вдоль него. Сесть за него могли одновременно человек десять-двенадцать. Рядом под треногой горел вечный костер, а в большом казане всегда была какая-то еда. Даже отхожее место было сооружено со всей возможной тщательностью и находилось на разумном удалении от жилья.

На краю поляны стояли пять разноцветных ульев. Над ними постоянно с деловитым жужжанием сновали пчелы. Ручей, журчащий неподалеку, давал прохладную чистую воду всем, кто в ней нуждался: людям, животным, насекомым.

Принадлежало это хозяйство деду Макару. Трудно сказать, сколько лет было деду, а сам он в этом не признавался, но, судя по воспоминаниям, касающихся событий уже ушедшего века, жил он долго. Поселялся дед Макар у реки ранней весной, едва только таял снег, а уходил в близлежащее село, когда в воздухе начинали кружить первые снежинки. Съестные припасы ему приносила время от времени какая-то женщина из того же села – то ли жена, то ли дочь – никто этого не знал, а сам дед в ответ на вопросы только посмеивался в окладистую бороду, которой зарос по самые глаза. При своем солидном возрасте и двухметровом росте имел он гриву едва тронутых сединой волос и был необыкновенно силен: шутя ворочал пудовые камни и поднимал бревна при постройке своего лесного жилища.

О его силе, несгибаемом характере и непростом прошлом разные слухи ходили вдоль реки, но обычно суть их была такова, что любителей пошутить над дедом Макаром почему-то не находилось. Зато все точно знали, что у него всегда можно было переждать непогоду, перекусить, если была такая нужда, попить чаю с лесными травами и медом, а то и чего покрепче: дед гнал знатный самогон в тайном месте и настаивал так, что куда тебе какой-то там коньяк. Угощение это не стоило ничего, достаточно было просто поговорить с дедом о том, о сём и оставить, если была такая возможность, газеты. Табак не требовался, поскольку дед не курил.

– Привет, Макарушка, – поздоровался с лесным жителем отец, – как поживаешь?

– Здоров, слава Богу, и вы будьте, – охотно прогудел в бороду дед, перебирая невод, который чинил перед нашим приходом, – куда собрались, мужички? Не на рыбалку ли?

– На нее, родимую, – тронул меня за плечо отец, – Санька, поздоровайся с дедушкой Макаром, что стоишь, как пень.

– Здравствуйте, дедушка – негромко произнес я.

– Здоров, молодец, – откликнулся дед, внимательно посмотрев на меня пронзительно голубыми глазами, – сынок твой?

– А что, не похож?

– Да, похож-похож, слов нет, сразу видно, что твой. Как зовут-то тебя, парень?

– Санька, – ответил я, втайне польщенный тем, что такая замечательная личность, как дед Макар, о котором я так много слышал от отца, но видеть которого не приходилось, назвал меня парнем.

– Ну, вот и славно, а меня дедом Макаром все кличут. Вот и познакомились, присаживайтесь к столу, я вас чаем лесным угощу с медком. Поспеее еще на свою рыбалку.

Мы с отцом присели к столу. Дед принес три алюминиевых кружки, снял с треноги закопчённый чайник и налил нам и себе ароматной дымящейся жидкости. Открыл банку с медом, дал ложки.

– Пробуйте, не чай, а цельные витамины.

Мы дружно отхлебнули обжигающий напиток, лизнули мед: действительно было вкусно. Не знаю, как отец, но я точно никогда не пил такого вкусного чая. Надо мной сердито жужжала пчела, я отмахнулся, но вслед за ней прилетела еще одна, и я уже энергично замахал обеими руками, забыв о чае. Заметив мой испуг, дед усмехнулся:

– Не бойся их, брат Санька, пчела тебя не обидит, если только ты ее не тронешь. Потому сиди спокойно и не дергайся, эти домашние звери не любят нервных людей.

И действительно, пчелки вскоре присели на край банки с медом и словно забыли о нашем присутствии. Я успокоился, быстро допил свой чай и начал с любопытством осматривать окрестности.

– Что, интересно, Санек? – заметил мой взгляд дед Макар. – Здесь у меня много всяких диковин: белки ручные, змейки ползучие, пещеры да клады тайные. В лесу чего только нет, нужно только слова заветные знать.

Я замер, услышав это: вот она, Тайна – извечная мечта мальчишек.

– А вы знаете эти слова, дедушка?

– А то как же, здесь нельзя жить, не зная заветных слов. Не ровен час и сгинуть можно в наших лесах.

– И кто же вас научил этому?

– Старушка одна древняя жила в этих местах, сынок. Такая древняя, что и не помнила, сколько ей лет. Вот она-то и научила. Ох, давно это было, я тогда чуть старше тебя был тогда.

– Что, еще до войны?

– Конечно, до войны, – прервал наш разговор отец, – Макар, ты не морочил бы пацану голову своими сказками, спать по ночам не станет, жена мне голову оторвет. Может ты нас на тот берег переправил бы, а то еще час-другой и припекать начнет, а хотелось бы к полудню до места добраться.

– А вы куда идете-то, не на Старицу ли?

– Куда же еще, конечно на Старицу, у нас там место прикормленное.

– Так это вам лесом километров пять топать, загоняешь парня, Микола. Да и гроза собирается, неровен час под дождь попадете. Смотри, может, оставишь Саньку у меня. Дуй сам себе на Старицу, а на обратном пути заберешь. Ты ж знаешь, он у меня тут как в сейфе будет, в целости и сохранности.

Отец задумался:

– А чё это ты решил, что гроза будет? Пугаешь, небось?

– Да на что мне тебя пугать... Проживешь с моёй и не то будешь знать. Я тебе говорю: к вечеру будет гроза, а там сам решай, как тебе быть.

Отец с сомнением посмотрел в мою сторону. Перспектива попасть со мной в грозу на Старицу его не радовала. Время меж тем шло, его приятели уже наверняка были на месте, разожгли костер, забросили удочки и таскали карасей на предстоящую уху. А в паутине бурых водорослей недалеко от берега стили в воде бутылки со «Столичной» водкой. Отец непроизвольно сглотнул набежавшую слюну и посмотрел на меня, ждавшего решения: то ли топать пешком на скучную рыбалку, то ли остаться с дедом Макаром и прикоснуться к Тайне.

– Ну, а ты как, может, и в самом деле останешься? Макар тебе тоже уху приготовит, он, кстати, большой специалист в этом деле. Что скажешь?

Я поколебался для видимости, а потом кивнул головой:

– Хорошо, я подожду тебя здесь.

– Ну, вот и ладненько, – с плохо скрытой радостью ответил отец, – Макарушка, вот тебе кое-какие продукты жена передала, картошку, а здесь отдельно в кульке подушечки с повидлом, я знаю, ты любишь их. И давай, вези меня скорее на тот берег, завтра к полудню буду обратно, ты поглядывай, чтобы я не ждал тебя до вечера. Санька, не скучай.

Он обнял меня, чмокнул в макушку, и они вдвоем быстро пошли к лодке. Я видел, как отец сел за весла, дед Макар, оттолкнув плоскодонку, устроился на корме, и они наискосок, под углом к течению стали пересекать Донец. Вскоре лодка причалила у подножья раскидистых верб, выстроившихся в ряд на противоположному берегу. Отец вышел, помахал рукой и углубился в лес. Минут через двадцать возвратился и дед Макар. Он не спеша привязал лодку к колышку и подошел ко мне. Я все это время сидел за столом, не зная чем себя занять.

– Ну, брат, что не весел, нос повесил. Чем заниматься-то будем?

– Не знаю. Может, пойдем, поищем клад какой-нибудь? – предложил я неуверенно.

Макар засмеялся:

– Не так сразу, Санька. Давай вначале просто осмотрим окрестности, здесь много интересных мест. Есть не хочешь еще?

– Да, нет, не хочу.

– Ты смотри, не стесняйся. Я и сам люблю поесть, и других покормить. Сегодня, брат Санька, мы с тобой к вечеру уху состряпаем. Ты такой еще никогда не ел, королевская будет уха, а на обед просто картошечки напечем и грибочков к ней с салцем, тоже вкусно. Я вчера белых тут неподалеку набрал: один в один, красавцы.

Он выбрал из прислоненных к шалашу жердей одну, похожую на посох, сантиметра три-четыре в диаметре и длиной метра полтора, повертел, словно соломинку в руках, примеряясь, и остался видимо доволен.

– Ну, что пошли, посмотрим, все ли ладно в нашем царстве-государстве.

Мы направились вглубь леса по тропинке, едва заметной в зарослях колючей ежевики. Раннее утро царило в лесу, в тени деревьев было прохладно, и только щебетанье птиц нарушало тишину. По пути дед Макар показал мне гнездо малиновки, где, требовательно разинув желтые рты, сидели совсем недавно оперившиеся птенчики, беличье дупло, куда шустрые рыжие зверьки таскали орешки невидимым бельчатам, огромный муравейник, в котором неспешно текла хорошо налаженная жизнь.

Незаметно шло время, и солнце уже стало ощутимо припекать, когда мы вышли к заброшенной каменоломне. Я знал о ее существовании, слышал, что здесь в изобилии водятся змеи, но никогда не бывал в этих местах. Сюда если и ходили, то парни постарше, а нас, мелюзгу, не брали. Эти места пользовались дурной славой. Весной почему-то именно здесь первыми расцветали лесные фиалки и пролески. Здесь же на камнях грелись под солнечными лучами и серые лесные гадюки. Они зимовали в неглубоких пещерах, которые оставались после добычи бутового камня, который шел на фундаменты при строительстве домов. Во впадинах, заполненных водой, обитали лягушки, в кустарнике жили серенькие мышки-полевки и маленькие симпатичные зверушки, которые назывались лесные сони. Так что с питанием у змей проблем не было.

Случалось, что неосторожные любители ранних цветов наступали на рептилий. Те, естественно, кусали обидчиков. Смертельных исходов, правда, не было, но слухи обрастали жуткими подробностями, змеи приобретали невероятные размеры, а их количество превосходило воображение. Одним словом, нехорошее это было место, гнилое. Сюда и пришли мы с дедом Макаром.

Я осторожно осмотрелся вокруг. На первый взгляд, змей не обнаруживались.

– Что, – заметил мою настороженность дед Макар, – страшновато? Гадюк боишься?

– Боюсь, – честно признался я, – они же могут укусить.

– Не бойся и запомни: змея просто так не кусает. Она знает, что человек большой для нее зверь, его она не сможет проглотить, а значит, он ей бесполезен. Она если и укусит, то только тогда, если ты на нее наступишь. Тут уж, извини, каждый кусаться станет. Верно? Вот ты бы, к примеру, кусался, если б я на тебя наступил?

– Да, – неуверенно согласился я, не очень представляя себя, кусающего деда Макара за ногу, – наверное, укусил бы.

Дед негромко рассмеялся:

– То-то же и оно, каждому жить хочется на белом свете, и каждый должен уметь себя защитить: и змея, и человек, и иная живность. Ты смотри внимательно под ноги, ступай по моим следам, в стороны не уходи и все будет хорошо.

Мы не спеша двинулись вглубь каменоломни. Оказалась, что это сравнительно небольших размеров котловина. Заброшенная и изрядно заросшая кустарником, она напоминала глубокую рану на гладком лесном склоне. С одной стороны её, словно охранник у входа, высился раскидистый старый дуб, а справа виднелось окаймленное камышом небольшое озерцо. При нашем приближении с камней в воду дружно бросились лягушки и тут же всплыли, с любопытством уставившись на нас выпученными глазами. С камышей, потревоженные, прозрачным облачком взвились комары. Слева от водоема в отвесной каменной стене виднелись темные отверстия коротких штолен-пещер.

– Смотри, – сказал дед Макар, указывая своим посохом на плоский камень, лежавший неподалеку от нас.

На светлой его поверхности, свернувшись колечком, грелась на солнышке зелено-вато-серая змея. Дед подошел поближе, наклонился и подставил ей ладонь. Змея, нервно подрагивая раздвоенным языком, ждала. Потом на моих глазах, до глубины души потрясенного этим зрелищем, она медленно переползла на ладонь. Дед разогнулся и поднес ее поближе, я попятился.

– Не бойся, видишь у нее желтые пятнышки по бокам головы, это ужик. Он не ядовит, ест лягушек, мышей. Безобидная божья тварь. Хочешь подержать?

Я замотал головой:

– Нет-нет, не хочу.

Дед усмехнулся:

– Ну, нет, так нет, пусть себе греется дальше.

Он осторожно положил ужика на место. Тот свернулся и замер, блаженствуя от тепла, исходящего от камня. В этот момент я как-бы физически ощутил, насколько ему хорошо и уютно. Дед Макар осторожно раздвинул своей палкой-посохом сухую траву под кустом.

– Смотри, – сказал он, показывая на серый колючий комок, – видишь, ёжик спит. Я наклонился и присмотрелся к беспорядочно утыканному колючками шарiku. Тот едва заметно, тихо пульсировал, дышал во сне. Дед убрал посох, трава сомкнулась, и ёжик стал незаметен.

– Пусть поспит, устал, наверное, за ночь. Работы-то много: змей ловить, грибы собирать, яблочки лесные. Небось, у него где-то здесь и ежика есть с ежатами, малыми ребятами.

– Дедушка, а когда начнем клады искать, – робко поинтересовался я, чувствуя, что то, ради чего я остался, отодвигается прочь, как не самое главное.

– Вот-те на, а мы-то что делаем? Мы клады и ищем, да только стерегут их лесные жители. Не позволяют взять, кому не следует, брат Санька. Но ты не расстраивайся, – добавил он, заметив мою реакцию, – не сейчас, так когда-нибудь в своей жизни ты обязательно найдешь свой клад. Ты только не останавливайся, здесь характер нужен, клады они такие: кому ни попадая в руки не даются, Санёк. Они любят терпеливых и настойчивых людей.

- А в этих пещерах их не может быть? – показал я пальцем на темнеющие входы штолен.
- Кладов здесь нету, это точно, я тебе говорю, но кое-что там все-таки есть. Идем, покажу.

С этими словами он направился к одному из входов. Пещера оказалась довольно длинной, метров тридцать. Маленький фонарик, который дед извлек из кармана своих необъятных штанов, тускло освещал неровности стен. Корни деревьев, местами пробившиеся с поверхности по трещинам в породе, напоминали огромных змей, было страшно и ощутимо холодно после дневного тепла. Я взял деда за руку, тот крепко сжал ее.

Вскоре мы подошли к тупику. Здесь выработка была шире, чем вначале, напоминая небольшой и довольно высокий зал. Дед посветил на стену. Она была вся покрыта какими-то надписями. Я подошел поближе и стал читать: «Прощайте, Маша и Сергей. Калужный Олег. 12. 4. 1942. ... Паша, береги маму. Осадчий Виктор. .... Вера, жаль, что так вышло. Не жди. Портнов М.В. ...». Ниже еще были надписи, но их невозможно было разобрать в тусклом свете фонарика.

- Что это, дедушка? – почему-то шепотом спросил я.

– А это, сынок, была война, слышал, наверное. В этой каменоломне немцы наших пленных солдат расстреляли. Перед тем они их сутки здесь держали.

Мне вдруг расхотелось искать клады. Я почувствовал, как дрожу весь от сырого холода и беспричинного страха, представив себе, как сидят и лежат в этой жуткой темноте люди и ждут, когда их расстреляют.

- Дедушка, пойдем отсюда, я замерз уже.

– Идем – идем, – словно очнувшись, погруженный в свои мысли дед Макар, – замерз, конечно, здесь всегда знобит, идем к свету, сынок.

Он положил левую руку на стену, постоял немного, склонив голову, и мы ушли. После пронизывающего холода и темноты подземелья снаружи было тепло, глаза слепил солнечный свет. Ощущение пространства и щебетанье птиц постепенно смыли чувство того потустороннего ужаса, что незримо присутствовал во мраке штольни. Мы присели на широкий плоский камень неподалеку от входа. Перед нами был лес, залитый солнечным светом, болотце с лягушками, неровная поверхность дна каменоломни, усеянного камнями разных размеров. Справа за болотцем незамеченный мною ранее виднелся небольшой холм, покрытый аккуратно подогнанными друг к другу каменными плитами.

- Дедушка, а что там? – показал я на холм рукой.

– А там они все и лежат, сынок. Хочу вот памятник над ними поставить. Не знаю какой, правда, ну, да придумаю что-нибудь.

- А почему они здесь, а не на кладбище?

- Так это ж военнопленные, Санька.

- Ну, и что?

– Мал ты еще, не поймешь. Подрасти тебе нужно, Санька. Ладно, пойдем домой, подкормимся немного.

Мы неспешно тронулись в обратный путь. Тягостное ощущение, оставшееся после посещения каменоломни, постепенно стало уходить. По пути дед Макар показал мне неразорвавшуюся мину, зависшую в развилке дерева неподалеку от тропинки, остатки блиндажа, разрушенного попаданием снаряда, осыпавшуюся неровную линию окопов. Когда-то, рассказывал он, в этих местах шли большие бои. Погибло много народу: и наших, и немцев. Но после этого прошли уже более пятнадцати лет, и природа, как и память, старательно зализывала нанесенные ей когда-то раны.

На поляну вернулись уже к полудню, и я почувствовал, что проголодался. Дед Макар положил в угли картофелины и велел мне следить, чтоб не подгорели. Затем он принес грибы и принялся натирать их смесью соли и перца. После этого – подсоленные и поперченные – они были нанизаны на тонкие пруты и размещены над тлеющими углями. По соседству с гри-

бами расположились таким же образом насаженные кусочки сала и хлеба. Вскоре над поляной поплыл непередаваемый аромат готовящейся на костре еды. Я принес воды от ручья, налил в чайник, где уже лежали травы, корешки. Осталось только ждать. Дед Макар расставил на столе тарелки, достал нож и вилки.

– Потерпи еще немного, Санек, скоро поспеет наш обед.

И действительно, прошло не более получаса, и на столе красовалась горка обугленной картошки, отдельно лежали шпашки с грибами и румяным, полупрозрачным салом. Все было непривычно и необыкновенно вкусно: и поджаренное на костре сало, которое я ел впервые, и упругие ароматные грибочки, и душистая изнутри горячая картошка. Все это мы запили чаем с медом, после чего я начал смутно догадываться о том, что такое счастье. От обильной еды, свежего воздуха и короткой ночи меня начало клонить в сон. Дед Макар заметил это и повел меня в шалаш. Там уже была приготовлена постель, и когда он успел только.

– Ложись, Санек, поспишь немного, отдохнешь и станем готовить уху.

Я лег и не заметил, как провалился в глубокий, здоровый сон. Проснулся уже ближе к вечеру и не сразу понял, где нахожусь. В сумерках жилища стояла полная тишина, пахло сеном. Потом как-то сразу вспомнился лес, каменоломня, мрачная сырая штольня. Я быстро надел штаны и вышел наружу. На поляне было безветренно и душно, солнце закрыли низкие облака. Чувствовалось приближение ненастья. Дед Макар, обнажив мощный торс, что-то помешивал в огромном казане. Заметив меня, он улыбнулся:

– Ну, как спалось? Клады не снились часом?

– Нет, не снились, – хриловатым ото сна голосом ответил я, – а хотелось бы найти, хотя бы чуток...

– Не все сразу, брат Санька, отец еще вернется не скоро. А, кстати, что ты будешь делать со своим кладом, если отыщешь его?

Я растерялся и не смог сразу ответить, никогда не думал, что буду делать с найденным кладом.

– Ну, не знаю... Наверное, маме отдам, она точно знает, что нужно делать, или папе...

Дед расплылся в улыбке:

– Да уж мамка твоя точно найдет, куда его употребить. Правильно мыслишь. Смотри, Санек, сейчас мы с тобой уху доварим и опосля, благословясь, употребим ее. Хотелось бы до грозы поспеть.

Пока я спал, погода изменилась, в воздухе действительно пахло предстоящей грозой. Даже птичий щебет стал как-то реже и тревожнее.

– Дедушка, а можно я в лодке посижу?

– Можно, ты плавать уже умеешь, не выпадешь за борт?

– Умею, я хорошо плаваю.

Плавал я для своего возраста действительно неплохо, сказывалось наличие водоема в огороде. Я залез в лодку и лег лицом вниз на корме. Перед моими глазами, омывая лодку, текла река. Она несла какие-то травинки, ветки, листья. Так было уже тысячи лет. Наверное, такой ее видел и тот древний человек, который был похоронен на вершине утеса, и чьи останки теперь покоятся в музее. Может он так же сидел на берегу, когда был еще мальчишкой, смотрел на бегущую мимо воду и мечтал найти свой клад. И у него, так же как и меня, слегка кружилась голова от причудливого мерцания струящейся воды. Хотя, тогда, наверное, еще и не было кладов, а впрочем, кто знает, может и были. Может, они и по сей день где-то лежат неподалеку, ожидая пока их найдут.

И словно во сне я увидел вдруг огромное дерево, странной формы плоский камень у его подножья, а под ним кувшин, полный монет и драгоценных камней, как в книгах о пиратах, которые мне давали читать в библиотеке. Кувшин был зарыт неглубоко в землю неподалеку от старой каменоломни. Я отчетливо, словно наяву, видел это место: невысокий холмик под дере-

вом и плоский светлый камень на нем. На камне, свившись кольцом, неожиданно образовалась большая серая змея и, подрагивая раздвоенным языком, стала пристально смотреть на меня.

Я вздрогнул и очнулся. В груди гулко билось мое маленькое перепуганное сердце. А вокруг была все та же река, несшая мутную воду, и все те же вербы на противоположном берегу, наклонясь, бесшумно полоскали в ней свои гибкие ветви. Слава Богу, почудилось, мелькнула мысль.

Искать клад почему-то расхотелось, сидеть в лодке без дела тоже. Вдали тем временем раздался глухой рокот первого грома, через минуту ещё один и ещё, все ближе и ближе.

– Санька, – послышался голос деда Макара, – ступай сюда, уха поспела.

Я быстро выпрыгнул из лодки и побежал к костру. Уже на подходе к поляне грянуло так, словно небо раскололось на части. По верхушкам деревьев пронесся шквал ветра. Сразу пахнуло сыростью, вдруг стало свежо и неуютно. По листьям, траве, по голой спине остро ударили первые крупные холодные капли. Дед махал мне из шалаша, куда он предусмотрительно перенес казан с ухой и все кухонные принадлежности. Я быстро юркнул внутрь и, как оказалось, очень вовремя. На окрестности с небес обрушились потоки воды. Сразу потемнело, и в этих преждевременных сумерках непрерывно грохотал гром, и сверкали молнии. Порывы ветра нагибали деревья, кусты, на наших глазах сорвало и швырнуло на кусты клеенчатый навес над столом.

– Неровен час, унесет лодку, – заволновался дед, – погоди, я сейчас.

Он как был в одних рабочих брюках, выскочил на улицу и исчез в пелене дождя. Вернулся он быстро, сказал, что вытащил лодку на берег, переоделся в сухое и присел рядом на кровать. Вскоре дождь перешел в равномерный ливень, раскаты грома стали реже, упало и напряжение, витавшее в воздухе.

– Ну, что, Санек, – произнес, наконец, дед Макар, – такой дождь может идти долго, а уха-то стынет. Это непорядок, брат, давай-ка будем его ликвидировать.

С этими словами он расставил на столе миски, нарезал крупными ломтями хлеб и открыл крышку казана. Небольшое пространство шалаша заполнил аромат горячей ухи. Дед неспешно наполнил наши миски, себе же плеснул янтарной жидкости из большой бутылки, хранящейся у него под кроватью, и нарочито строго, под стать моменту, произнес:

– Ну, Санька, чтоб все мы были здоровы и жили долго на этом свете.

С этими словами он опрокинул в себя стакан, смачно крякнул, вбирая крепость напитка, и принялся за уху. Я не отставал от него. Что можно сказать о том, какая это была уха. С тех пор мне приходилось есть это блюдо и в ресторанах, и на рыбалках, и в домашних условиях. Это всегда было вкусно, порой даже очень вкусно. Но ни разу больше я не ел ухи столь изысканной, кроме того единственного случая, когда отец оставил меня в лесу под присмотром деда Макара. Это было что-то неповторимое. Я опустошил три миски, ощущая, как плавают мои вкусовые рецепторы. Мне, наверное, было бы нехорошо впоследствии, но дед вовремя остановил это чревоугодие.

Потом, уже после чая, я лежал в полутьме при свете керосиновой лампы, слушал его негромкий голос, повествующий о лесном житье, и незаметно уснул под монотонный шепот стихающего дождя. Мне не довелось видеть, как дед Макар, заметив, что я сплю, укрыл меня одеялом, долго рылся в своем сундуке, неприметно стоявшем в углу, а затем вышел и направился к ручью. Пробыл он там недолго, вернувшись, до полуночи сидел неподвижно, глядя на неяркий огонь лампы, погруженный в свои мысли, потом погасил её и тоже лег спать.

Утром я проснулся, когда уже вовсю светило солнце. Все вокруг было чистым и свежим, как дома после генеральной уборки. Только сломанные ветки, кое-где разбросанные по поляне, да стол без навеса напоминали о вчерашней буре. Дед Макар недалеко от берега с лодки ловил рыбу. Я поздоровался с ним.

– Здорово, Санек, – откликнулся он, – как настроение? Ты, вот что, сделай одолжение, набери-ка воды к чаю. Я скоро буду.

Я взял ведро и пошел к ручью. У истока, там, где из-под земли бил ключ, было самое глубокое место. Здесь можно черпать чистую воду в ведро кружкой, не захватывая ил. Я быстро набрал воду и собрался было уже уходить, как вдруг заметил в ручье что-то блестящее. Я наклонился и не поверил своим глазам: на дне виднелась монета, поодаль белели еще две. Дрожа от нетерпения, я достал монеты из воды. Мокрые, они лежали у меня на ладони, как реализованная мечта. Вот он, мой клад, маленький, но мой. Я, расплескивая воду из ведра, бросился к берегу.

– Дедушка, дедушка, я клад нашел! Посмотри, я клад нашел!

Дед Макар, который к этому времени уже причалил к берегу, повернулся ко мне:

– Да, ну! Покажи-ка свой клад.

Я протянул ему монеты. Он внимательно рассмотрел их:

– А где нашел-то?

– В ручье, на дне лежали. Может там еще есть?

– Может и есть. Это их, наверное, вчерашним ливнем вымыло. Ты посмотри там повнимательней.

– Дедушка, а это древние монеты?

– Конечно, это точно старые монеты, даже очень старые. Видишь, здесь профиль чей-то, наверное, царский, а здесь написано что-то не по-нашему. Повезло тебе, Санек, старинные ты нашел монеты.

– Так я побегу, еще поищу.

– А чай?

– Да, потом, деда, я быстро.

Я старательно перерыл все русло ручья, но больше монет не было. Это огорчило меня, но радость утренней находки быстро стерла эту неудачу: главное, что клады реально существуют и их можно найти. Стоит только сильно захотеть. Прав был дедушка Макар.

Мы пили чай с медом, а монеты, разложенные в ряд на столе, олицетворяли собой удачу. День начался просто великолепно. Мы внимательно рассмотрели мои находки. Все монеты имели близкую к кругу, но все же не вполне правильную, форму. На самой крупной из них был изображен профиль, скорее всего, женщины в шлеме, на обратной стороне – сова, сидящая на кувшине, какой-то ключ слева от нее, а вокруг непонятные письмена. На двух других тоже были лица, но явно мужские, в венках из листьев и такие же непонятные буквы с противоположной стороны. Мы решили, что это были царица и цари тех давних времен. От монет просто веяло стариной, вернее даже не стариной, а древностью.

В это время до нас со стороны реки донесся крик. Мы разом посмотрели туда и увидели моего отца, машущего рукой. Видимо непогода заставила его раньше покинуть Старицу. Дед Макар не спеша сел в лодку и сильными длинными гребками направил ее к противоположному берегу. Я видел, как отец сел в лодку и вскоре они уже причалили к нашей стоянке.

– Пап, а я клад нашел, – похвастался я.

– Да, слышал уже, показывай.

Я подвел его к столу, на котором красовались мои монеты. Отец с интересом повертел их в руках, попытался прочесть написанное, но не смог.

– Интересные монетки, интересные. И как только они попали сюда? Может с купцами... А что, вполне могло быть: из Черного моря в Дон, а затем уж и в Донец прямая дорога. Что скажешь, Макар?

– Вполне возможная вещь. Молодец, Санек, не прозевал свой первый клад.

Дед подарил мне маленький кожаный кисет, чтоб было, куда сложить монеты. Его я положил в карман, приятно ощущая при ходьбе тяжесть находки.

Отец и дед Макар пропустили по стаканчику самогона, серьезно приложились к разогретой ухе, а затем уже вместе мы попили чаю и стали собираться домой. Отцу нужно было в третью смену идти на работу, в шахту.

– Прощай, брат Санька, – прогудел на прощанье дед Макар, – не поминай лихом, заходите с отцом, поищем клады с тобой, здесь их пропасть.

Я пожал протянутую мне руку, посмотрел в его улыбающиеся глаза небесного цвета и мы расстались. Откуда мне было знать, что вижу я деда Макара в последний раз. Так уж случилось, что в этот же день маме предложили путевку в пионерский лагерь нашего стекольного завода. Вернулся я оттуда только к началу учебного года. Быстро пролетели первые школьные недели и наступила середина сентября, когда дни стали короче, а по утрам уже было совсем не жарко. Как-то придя со школы, где все еще был человеком номер один, благодаря найденному кладу, я обнаружил своих родителей, сидящих за накрытым столом. Лица у них были мрачные, мама, похоже, плакала перед моим приходом.

– Садись, Санька, – сказал отец, – мы тут деда Макара поминаем.

– Как это? – не понял я.

– Да, так, не стало деда, сынок: умер он.

Я не мог поверить, что огромный, полный, казалось, несокрушимой силы человек вдруг взял и помер.

– Он ведь совсем не молодой уже был, – пояснил отец, – почти семьдесят лет прожил Макар на белом свете, не одну войну прошел, ранен был тяжело, кстати, где-то в наших местах. Наши ребята шли на рыбалку и нашли его в шалаше. Как жил один, так и помер один, во сне. В селе, оказывается, он не был даже прописан. По сути, и не жил там, так, зимовал у добрых людей. Похоронили мы его под дубом у старой каменоломни, недалеко от входа. Камень приметный положили на могилу, а надпись сделали прямо на дереве: вечный будет памятник. Эх, хороший был мужик, Макарушка, царство ему небесное.

Отец с матерью выпили, не чокаясь, а я сидел, все еще не веря, что никогда уже не увижу деда Макара, его улыбки, глаз цвета безоблачного летнего неба, не услышу его рокочущего голоса. И никогда больше мы не будем вместе искать клады в лесной глуши.

– Вещей после него почти не осталось, – продолжал отец, – ребята, как водится, взяли себе кое-что на память, а я вот эту вещицу.

Отец протянул мне коробку из-под леденцов. В ней что-то звякнуло. Я открыл ее. Внутри лежали две монеты, очень похожие на те, что были из моего клада. Смутная догадка мелькнула в моей голове. Я вспомнил последние слова деда, сказанные им при расставании, и понял, что передо мной, скорее всего, монеты из того клада, который уже никогда не будет найден. Мне подумалось, что и первый-то мой клад был найден, по всей видимости, не случайно. Наверное, об этом догадался и отец, но по молчаливой договоренности мы никогда не говорили об этом.

Спустя несколько лет, когда я стал уже постарше, и мне разрешалось с другими ребятами ходить в дальний лес к Донцу, мы оказались возле старой каменоломни, в тех местах, где когда-то мы пили чай с отцом и дедом Макаром. В шалаше никто не жил. От времени и без должного ухода он совсем обветшал и практически развалился. У берега видна была затонувшая лодка, исчез стол на поляне, и только ручей журчал так же деловито, как и несколько лет назад.

У каменоломни все осталось без изменений: пруд с лягушками, темнеющие отверстия штолен и невысокий холм, покрытый подогнанными друг к другу камнями. Между ними усиленно пробивалась трава, стирая его искусственное происхождение.

Я сразу же направился к раскидистому дубу, росшему у входа. У его подножья на невысоком холмике лежала плоская плита почти правильной шестигранной формы. Мне вдруг вспомнилось то видение, которое возникло накануне грозы в моем воображении, когда я лежал в лодке, глядя на струящуюся воду: огромное дерево, плоский светлый камень и клад, лежащий под ним. На стволе топором была вытесана плоскость в форме овала с надписью: «Портнов

М. В. – 09. 08. 1890 – 13. 09. 1958 г.г.». Я поднял голову, и мой взгляд остановился на той штольне, куда водил меня дед Макар. Теперь вход в нее был основательно завален крупными камнями. Настолько крупными, что я знал лишь одного человека, способного совершить такую титаническую работу. Это мог быть только дед Макар.

Зачем он это сделал? И не после такой ли работы не выдержало его сердце? И что означала та надпись в замурованной пещере: «Вера, жаль, что так вышло. Не жди. Портнов М. В.»? Кому, и по какой причине она была адресована?

Прошло много лет с тех пор. Они не принесли ответы на эти вопросы: нехватка времени, текущие проблемы, пресс обязанностей. Я, правда, выяснил, что сейчас над братской могилой расстрелянных в каменоломне военнопленных стоит скромный обелиск. «Солдатам, погибшим в Великой Отечественной Войне», написано на нем. Таким образом, заветное желание деда Макара исполнилось, и он, хотя бы по этой причине, может спать спокойно.

Невыясненной для меня осталась лишь тайна, которая до конца жизни привязала его к этому ужасному месту, к тому, что навечно осталось там, во тьме замурованной сырой штольни. Наверное, деду Макару было нелегко жить с этими воспоминаниями. Но наша память, слава Богу, обладает той особенностью, благодаря которой экстремальные ситуации, случающиеся на жизненном пути, со временем нивелируются, словно для того, чтобы человеческое сознание могло выдержать их совокупную тяжесть и не произошел бы непоправимый сбой в его работе.

Найденный же в лесу клад со временем как-то незаметно растаял, хотя небольшую часть его я недавно всё же нашел в старом родительском доме, перебирая книги на чердаке. Из одной из них, той, что рассказывала о пиратах Карибского моря, вдруг выпала монета с изображением, как мы тогда решили с дедом Макаром, профиля древней царицы. С помощью интернета я довольно быстро выяснил, что это тетрадрахма, то есть монета, изготовленная в Греции в I веке до нашей эры, а изображенная на ней царица есть никто иная, как богиня Афина Паллада.

Кроме того, из описания на сайте следовало, что она представляет собой довольно ценное нумизматическое приобретение. Рыночная цена монеты на настоящий момент составляет около полутора тысяч долларов. Но я никогда не выставлю ее на аукцион, а вместе с этой историей оставлю своим детям. Хотя, они, наверное, и без меня уже догадываются о том, насколько непроста окружающая их реальность, и какие непознанные глубины личной вселенной кроются в каждом из нас, пришедших в этот мир не по своей воле с тем, чтобы спустя жизнь перенести собственное сознание в иное, непостижимое для человеческого разума, измерение.

Днепропетровск, 23 апреля 2011 года

5. Седой Капитан, Белый Пингвин или муки любви

Любовь – чувство свойственное человеку.

Википедия

Мы взрослеем, и рано или поздно к нам неизбежно приходит первая в нашей жизни любовь. Вот как это происходило в те незапамятные времена, когда деревья были большими, вода и воздух чище, небо выше, а окружающий мир только начинал раскрывать свои секреты.

Мой друг Мишка и я были начитанные мальчишки, и учились мы тогда в пятом классе. По весне, когда природа вдруг начинает оживать с невероятной силой, а в небе светит необычно яркое солнце, стало заметно, что в наших организмах происходит нечто неладное. Особенно это нечто проявлялось на уроках физкультуры при виде обтянутых трико фигурок наших начинающих стремительно взрослеть девочек.

Первым озвучил проблему Мишка по дороге домой, когда мы возвращались из школы.

– Сань, – сказал он, внимательно глядя себе под ноги, – а ты читал про любовь в книжках?

– Конечно, – с готовностью откликнулся я, – да почти в любой книжке, куда ни ткнешься – везде любовь. А чё это ты спрашиваешь?

– Ну, – замылся он, – может и нам пора уже влюбляться: стареем все-таки.

– Нет, – решительно ответил я, – не дай Бог, пацаны узнают об этом или, еще хуже того, девчонки, засмеют до смерти. А в кого, кстати, влюбляться будем?

– Все уже обдуманно, – оживился Мишка, чувствуя, что брошенное им семя соблазна попало в хорошую почву, – ну, во-первых, это должны быть девочки...

– Это ты здорово придумал, с девочками. Интересно, долго думал? Были какие-то другие варианты?

– Да, ты подожди, не перебивай... Я имел в виду, что это должны быть девочки из нашего класса.

– А почему только из нашего, а не из соседнего? Они-то чем хуже?

– Ну, ты даешь! Да потому, что девочки, в которых влюбляются, должны быть красивые, а ты вспомни тех, из «Б».

Я напряг молодую память, сравнивая девочек, и понял, что Мишка был прав: наши девочки были вне конкуренции.

– Хорошо, согласен. И все-таки, кого конкретно будем любить?

Чувствовалось, что Мишка хорошо продумал План любовной эпопеи, потому, что ответил он, не задумываясь:

– Я буду любить Витку Гребенкову, а ты – Людку Кравцову.

– Чё так? – не понял я, – а почему не наоборот?

Между нами говоря, мысли о возможной любви приходили мне в голову и без Мишкиной подсказки: книги-то мы читали примерно одни и те же. И я на уроках частенько рассматривал наших девочек, подыскивая достойный объект последующего обожания, если говорить высоким книжным стилем. В результате сравнения вариантов независимая экспертиза в моем лице также пришла к выводу, что это могут быть две девочки, те же Вика и Люда.

У Виктории были длинные волнистые волосы каштанового цвета, которые, как мы выяснили позже, мама ей накручивала на бигуди. Люда же свои гладкие пепельные волосы формировала в стрижку средней длины. Они обе были по своему красивы, но предпочтение я все-же отдавал Вике, хотя она и была явной воображалой в отличие от веселой и простой Люды.

Тогда я еще ничего не знал о сложных биохимических процессах, бесконтрольно текущих внутри наших тел, поэтому причина такого выбора была для меня на тот момент неясна. В контексте собственных мыслей я и был возмущен Мишкиным решением.

– Как это, почему, План-то я придумал, значит, мне и выбирать, что тут неясного?

На это возразить я толком ничего не мог, а признаться, что Вика мне нравилась больше, чем Люда, было как-то неловко. Нехотя я согласился с предложенным вариантом разделения объектов предстоящей любви, интуитивно чувствуя, что проблемы только начинаются и эта, скорее всего, не самая главная.

– Ну, хорошо, а как мы все Это будем делать, – продолжал выпытывать я подробности Плана.

У Мишки на все был заранее заготовленный ответ, видно не одну неделю он потратил на оттачивание наших действий:

– Из книжек я выяснил, что они не должны знать, кто их любит...

– Опять не понял, а как же потом, когда любить-то будем?

– Ты еще пацан в этом деле, – снисходительно произнес Мишка, – никто сразу в любви не признается. Женщину нужно, как это, – не сразу припомнил он нужное слово, – заинтриговать.

Я не стал выпытывать подробности этимологии слова «заинтриговать», звучало достаточно солидно, и еще больше зауважал Мишку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.